

*Посвящается сотрудникам
и студентам CCLCS,
которые ежедневно обучают
и учатся тому, как важно
быть честным с самим собой*

То, что отличает вас от других, порой кажется бременем, но это не так. И очень часто именно это отличие помогает вам достигать высот.

Эмма Стоун

Пролог

Круэлла де Виль не родилась такой. Такой она сделала себя сама. Хотя, если быть точными, её, как и любое другое живое создание из плоти и крови, конечно же, родили. Назвали её Эстеллой. И ходят слухи, в ночь её рождения звёзды не светили и луна не смела показываться из-за грозовых туч. Поговаривают ещё, на всю округу был слышен волчий вой и реки возле её дома вскипели.

Но люди говорят всякое.

И в большинстве случаев их пересуды оказываются далеки от правды.

Во всяком случае, некоторые из них.

Эстелла пришла в этот мир, как любое другое дитя, — толкаясь и крича. Но

едва она появилась на свет, как тут же стало ясно, что она совершенно не похожа на других детей. Некоторые называли её единственной в своём роде. Другие — особенной. Пара-тройка добросердечных прохожих, видевших её на прогулке в коляске, возможно, даже осмелились бы назвать её милой, пока с неё не спадал вязанный чепчик, открывая их взглядам её волосы.

Угольно-чёрные справа, белоснежные слева. С самого её рождения они бросались в глаза своей густотой и цветом. И когда окружающие их видели, они, как правило, переставали считать её милой и начинали считать её чудной.

Но материнская любовь слепа, и мать Эстеллы, Кэтрин, не была исключением. Для Кэтрин Эстелла была самой-самой с момента её появления на свет. Проходили дни и годы, и Эстелла выросла из любознательного младенца, щедрого на улыбки, в развитого не по годам карапуза, который стремился всё делать по-своему. Она начала ходить раньше других детей её возраста и к двум годам уже общалась с мамой целыми предложениями.

Пролог

Казалось, она никогда не замечала косых взглядов окружающих и никогда не переживала из-за того, что никто не приходит в гости в их с мамой ветхий, но уютный домик.

Эстелле крошечное жилище, в котором она жила, не казалось унылым или тоскливым. Одежда, которую штопала её мама-портниха, добавляла тесному пространству красок и стала её миром. Эстелла пропускала шёлк, шифон и тафту сквозь пальцы, дивясь их гладкости. Она сравнивала наряды и придумывала рисунки для тканей. Она росла, и её талант проявлялся с новой силой. Сидя на коленях у мамы, Эстелла быстро научилась вдевать нитку в иголку и вскоре уже самостоятельно штопала носки и подшивала юбки. Когда та немногая мебель, которая была у них в доме, окончательно изнашивалась, Эстелла ставила на обивку цветастые заплатки из остатков ткани.

Хотя шитьё давалось Эстелле легко от природы, следовать правилам для неё было чуть сложнее. Матери Эстеллы не раз приходилось деликатно напоминать ей об устройстве этого мира.

— Придерживайся выкройки, — говорила она дочери. — Существует определённый порядок.

— Какое уродство, — возмущалась Эстелла, поднимая выкройку и сравнивая её прямые ровные линии с тем безумством форм, которое она задумала для нового платья своей куклы.

Мать Эстеллы качала головой:

— Как грубо. Ты ведь Эстелла, а не Круэлла.

Круэлла¹ — такое прозвище дала ей мама, когда Эстелла была младше и переживала муки «ужасных двух лет», за которыми последовали страдания «деспотичных трёх лет». Характер Эстеллы, когда он брал над ней верх, мог сделать её капризной, а иногда даже злой. Мать Эстеллы любила напоминать ей, чтобы она держала Круэлли в узде (но в какие-то моменты это было легко, а в некоторые — попросту невозможно). Иногда, услышав напоминание, маленькая Эстелла качала головой или (когда вконец разобидится) разрывала

¹ Cruella — от англ. «*cruel*» — жестокий. (Прим. ред.)

Пролог

выкройку и топала ножкой. Но она всегда возвращалась, чтобы обнять маму и извиниться. Она не хотела быть грубой. Она просто хотела шить по-своему.

К двенадцати годам Эстелла превратилась в талантливую портниху. Хотя у неё по-прежнему не было друзей, мама каждый день напоминала ей о том, что она особенная.

— Ты можешь стать кем или чем пожелаешь, сладкая моя, — говорила мама. — В тебе есть не только чёрное и белое. В тебе есть все цвета радуги.

И Эстелла ей верила. Эстелле не были нужны друзья. Ей хватало мамы и собственного воображения.

Так что в общем и целом Эстелла была счастлива.

Но вскоре всё должно было измениться...

Двеннадцатилетняя Эстелла сидела на велосипеде и разглядывала огромное каменное здание впереди. Всем своим видом оно демонстрировало достаток и привилегированность. День, которого она ждала, чего уж скрывать, целую вечность, наконец настал.

Вот-вот начнётся её учёба в элитной частной школе. Однако эта перемена её не только приятно волновала, но и страшно пугала. Эстелла смотрела на здание, рассеянно теребя подкладку пиджака. Мягкая ткань в руке приятно успокаивала. Она улыбнулась. Может, эта школа совсем как её пиджак: снаружи одно, а внутри нечто совершенно иное.

Девочка вздохнула.

Она в этом сомневалась.

Школьный двор наводняли дети, стекаясь буквально со всех сторон. Их форма была безупречно чистой и идеально выглаженной. Дорогие автомобили тянулись один за другим, высаживая всё новых и новых учеников. Эстелла слышала радостные возгласы (девочки, которые не виделись целые каникулы, радовались встрече с подружками) и более низкие голоса мальчиков, которые приветствовали приятелей в своей более сдержанной манере. Всё это для Эстеллы звучало как иностранная речь.

Она обернулась и посмотрела на маму, которая придерживала велосипед рядом с ней. Седеющие волосы женщины, казалось, то и дело норовили выскользнуть из съехавшего набок пучка, а засаленный рабочий комбинезон был перепачкан. Она совершенно не походила на тех женщин, которые махали своим детям на прощание из окон автомобилей. Причёмски на головах этих дам лежали волосок к волоску. Макияж на лицах был безупречен. В их нарядах была продумана каждая деталь —

вплоть до пуговиц. Незнакомое чувство нахлынуло на Эстеллу: она почти стыдилась своей матери, когда на неё смотрела.

— Помни, — сказала мама, прерывая мысли Эстеллы, — ты ничем не хуже других учеников.

Эстеллу тут же захлестнуло чувство стыда. Приехали! Она стесняется родной матери, которая годами откладывала каждый цент, чтобы её приняли в эту дурацкую школу.

Глубоко вдохнув, Эстелла чуть расслабила ладони, сжимавшие руль. Может, она и не ходила в школу вместе с этими детьми раньше, но она не даст им испортить ей настроение (во всяком случае, она не допустит, чтобы мама заметила её тревогу).

— Хорошо, — произнесла она. Голос Эстеллы прозвучал уверенно вопреки сомнениям, которые не давали ей покоя.

Мама кивнула:

— А что ты скажешь Круэлле, если она попытается взять над тобой верх?

Эстелла вздохнула. Она терпеть не могла это прозвище, которым мама продолжала называть слегка пугающую сторону

её натуры. Но мама правильно делала, что напоминала ей об этом. Ей следует научиться держать себя в руках.

— Спасибо, что заглянула, ну а теперь можешь идти, — прилежно проговорила она.

Довольная ответом, мать слегка улыбнулась. Затем посмотрела невидящим взглядом куда-то вдаль между большим внушительным зданием и дочерью. Эстелла гадала, о чём сейчас думает мама. На её лице читалось беспокойство и глубокая печаль.

Эстелла отвернулась и посмотрела на компанию девочек в одинаковой форме. На их головах кокетливо сидели шляпки. На ней был точно такой же невзрачный уродливый пиджак и юбка в пару к нему, как у них (не считая нескольких небольших усовершенствований, о которых её матери, конечно же, не было известно). Но на голове у неё не было шляпы. Никогда.

Глубоко вдохнув, Эстелла ещё раз попрощалась с мамой, поставила велосипед у одной из стоек и присоединилась к потоку учеников, направлявшихся в школу.